

Эдуард ВОЛОДАРСКИЙ:

Про что кино делаем?

Немного найдется сценаристов, при упоминании фильмов которых зритель будет неперестанно восклицать: «Знаю!» Старейший киносценарист и драматург Эдуард Володарский («Емельян Пугачёв», «Демидовы», «Кружунд», «Прощай, шпана замоскворецкая...», «Троцкий», «Бездна. Круг седьмой») – из их числа. Драматургом Володарский стал поневоле – несколько фильмов, снятых по его сценариям, в том числе картины Алексея Германа «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин», на долгие годы легли на полку. На новом поприще писателя ждал успех – первая же пьеса «Долги наши» была поставлена Олегом Ефремовым во МХАТе, а потом вошла в репертуар более чем 100 театров страны. С пьесой «Уходя, оглянись» история повторилась.

Драматург в полной мере ощутил, что такое быть состоятельным человеком, но счастливо вздохнул лишь тогда, когда история с «полками» закончилась и он снова смог разгадывать загадки «черно-белого кино». Всего перу писателя принадлежат более 80 сценариев, 11 пьес, несколько книг прозы. Телесериалы последнего времени по его сценариям – «Штрафбат», «Вольф Мессинг» и «Достоевский» – у всех на слуху. Недавно Сергей Урсуляк закончил съемки фильма по сценарию Володарского, написанному по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Зрителя ждут также несколько сериалов, посвященных уникальным личностям, и прежде всего Чапаеву. Готовятся к съемкам съемочные группы сериалов о Василии Сталине и Григории Распутине.

– Эдуард Яковлевич, в мае этого года будет 67 лет как закончилась война, а писать о ней и снимать кино не перестают. Как вы считаете, эта тема когда-нибудь исчерпает себя?

– Война еще долго будет волновать умы русских людей, потому что в ней существует много белых пятен, а среди гор написанного много неправды. Но что бы ни брехали историки и журналисты на Западе, 9 мая 1945 года наш флаг развевался над рейхстагом, а не американский и не английский, и Берлин был наш, хотя мы и заплатили за него страшную цену. Остановить нас уже никто не мог, и пусть они еще помолятся Богу, вся Европа, что наши танки не пошли дальше. А могли пойти – думаю, Сталин всерьез помышлял об этом, задавая вопрос Жукову: «За какое время вы смогли бы дойти до Парижа?» И Жуков ему ответил: «В течение двух недель». И мы были бы там, потому что армия танков и 11-миллионную армию, которая была под ружьем, остановить никто не мог. Французы не вояки, немцы были деморализованы, и недаром Черчилль начал из пленных немцев формировать батальон и вооружать его. Он понимал, чья кошка мясо съела, потому что в развязывании Второй мировой войны в первую очередь виноват был он. Довольно шершавая фигура, можно представить, как он ненавидел Россию, если еще в 36-м году заявил: «Мы все равно заставим его воевать!» В смысле, Гитлера. А с кем воевать – не с собой же! И Мюнхенский сговор, и все остальное было подталкиванием Гитлера к войне, а в союзники он записался, когда ему стало очень плохо. В начале войны никто не верил, что мы победим. До конца 41-го все европейские и американские газеты подсчитывали, сколько месяцев осталось существовать Советскому Союзу. Все это похоже на чудо, что мы их остановили. Мощнейшая военная машина была, немцы умеют воевать.

– Скажите, а с какой формулировкой лет в свое время на полку ваш фильм с Алексеем Германом «Проверка на дорогах»?

– Ну как же, у нас с Германом в первый раз появился на экране властовец, и нам тут же «пришили», что мы их оправдываем. Подобная претензия была к «Штрафбату» – мол, по моей мысли, войну выиграли штрафбаты, а не регулярные войска. Ну что тут скажешь?! Первая волна штрафников состояла из политзаключенных, которые рвались на войну, и уголовников, которые шли с мыслью «свалить» по дороге. А потом туда попадали самые разные люди – удалцы после драк и пьяных разборок, проворовавшиеся интенданты, священники. Только не в рясках, каюсь. Но, считая, большой неправды я не допустил. Именно в это время Сталин резко изменил отношение к религии. Видно, потрясение он пережил огромное, он не ожидал, что Гитлер нарушит договоренность и так быстро развалится армия. Немцы маршем входили в города, их не заботило, что в тылу оставались русские, они шли в направлении Минска. А тех, в тылу, другие немецкие войска брали в окружение – и все. И многие сдавались – долго вы продержитесь без еды и воды! Некоторые шли на приморы, не зная, куда прорываться, деморализация была полная, командиры разбегались, все летело к ядерной матери.

Причем украинцев немцы поначалу отпускали из плена: «Украина! Иди на хаус!» Считали потенциальными сторонниками. Украинские бабы в это время спасли многих рус-

ских. Подходили к лагерю, выбирали кого посимпатичнее сквозь проволоку и говорили конвоиру: «По мой чоловік (мой муж)». Немцы простодушно верили, а потом поняли, в чем дело, и все прекратилось.

– Как считаете, русский характер, о котором писал Алексей Толстой, преломился со временем, стал хуже, сами же говорите, что иные современные фильмы о войне смотреть не можете – лица сытые, глаза пустые?

– Что там Алексей Толстой, я расскажу, как сам снимался, а также помогал переделывать сценарий в фильме Семена Арановича «Торпедоносцы». О летчиках-североморцах, бомбивших немцев над морем. В море они и погибли, в ледяной воде можно было продержаться не более получаса, состав авиационного полка полностью обновлялся за 2,5-3 месяца. Снимали на секретной базе Сафоново-2, названной по имени дважды Героя Советского Союза Сафонова, который погиб 27-летним. На этом аэродроме был музей летчиков, и там висели фотографии. Семен Аранович все смотрел на них и талдычил: «Для, про что кино делаем? Ну, где я сейчас такие глаза найду?» А лица были разные: одни славянские, светлоглазые, другие – смуглые, горбоносые, в основном молодые, был и почти старик, но в глазах у всех светилась орлиная отвага. Так что в начале 70-х прошлого века такие вопросы уже задавали.

– Ну так преломился характер или нет? В газетах то и дело пишут о том, как на зарубежных курортах русские дебоши устраивают.

– Что касается курортов, позвольте спросить: а вы видели, как ведут себя немцы и штатники?! А поиробуй штатника арестуй, тут же консул приедет – «Подумаешь, пьяный дебош, погулял парень!». наших консулов в подобных ситуациях не дожждется, они только о бабле своим думают, так что пример с поведением не показателен. А вот то, что бабло вылезло на первый план, меня пугает. И свидетельствует о том, что национальный характер во многом, конечно же, изменился. Вылезло много низменного, того, что раньше пряталось. Приехал ко мне как-то друг, сидим, разговариваем. И он говорит: «Представляешь, что творит, сучонок?» «Кто?» – спрашиваю. – «Да внучок мой средний, 13 лет! Деньги дает в долг суоченикам под проценты! Будь моя воля, прибил бы его! Что это такое!» Я говорю: «Это веяние времени». Вот оно, бабло-то, и вылезло. Денежка! Страшно подумать, чтобы я дал кому-то в долг под проценты! Мы же жили в долг, стипендия 27 рублей – 4 бутылки водки и 10 сырков плавленых. Занимали все время, и не только студенты. Мать, помню, деньги получит, достанет тетрадный листок и идет раздавать долги. А у мусульман даже банкам Коран запрещает давать деньги под проценты, это считается страшным грехом.

– По каким главным вехам отсчитываете свою творческую биографию? С чего она начиналась? Что вам особенно дорого?

– Начинали со Славой Говорухиным, Гурченко, Джигарханяном в Одессе – снимали фильм «Белый взрыв». Потом я написал сценарий по своей повести «Бешеная», а Александр Сурин снял фильм «Дорога домой». Хорошая получилась картина, но с ней я в первый раз попал под колеса Госкино. Председателем был Романов. «Что это они у вас ручки жрут!» – кричал он мне. Я записался: «Александр Владимирович, а вы как бутерброды едите?» – «Я ем, а они жрут!» В результате бы-

ФОТО ЛЮДИМЫ ПАХОВОЙ/ИТАР-ТАСС

Кадры из сериалов – «Достоевский»

и «Штрафбат»

ло сделано всего 12 копий фильма, показывали по клубам, в том числе в МГУ. Потом появился Герман, и я написал «Проверку на дорогах». В Питере фильм прошел на ура. Герой Советского Союза Сабуров обнимал нас, целовал, плакал: «Вы же не воевали, ребята, как вы такой фильм сняли!» А потом картину признали антисоветской и положили на полку, и она лежала 15 лет. И хотя меня уже более-менее знали, я остался без работы.

Но благодаря братству, которое существовало тогда, не пропал. Никого не интересовало, узбек ты, армянин, русский или еврей, всех интересовало, хорошо ли ты пишешь, снимаешь, рисуешь. Мне позволили из Киргизии: «Помоги переписать сценарий». Я вылетел и какое-то время «мотылился» из Фрунзе в Алма-Ату и другие города, потом во МХАТе и по Союзу пошла моя пьеса «Долги наши», потом точно так же другая – «Уходя, оглянись». А там я и в кино вернулся. Когда писал пьесы, несмотря на успех, все мне казалось каким-то ненатуральным. Просто я был отравлен ядом черно-белого кино навсегда. Это такая загадка. Черно-белое кино на много точнее передает атмосферу и даже цвет. Раскраски картин меня раздражают, это ужас какой-то. Но, по нашим временам, хозяин – барин: что хочу, то и ворочу.

– В вашей фильмографии есть 14-серийный телефильм 2006 года «Столыпин... Невыученные уроки». Такая актуальная тема, вы открыли ее?

– Сейчас возвращаться к этому тяжело, сценарий сериала был хороший, у меня потом книжка вышла. Но режиссера назначили – уж не знаю, где и нашли. Никаких режиссерских разработок он мне не показал, а когда я посмотрел, что он делает, две трети сценария – без всякой режиссуры – было снято. И там была сцена, где Столыпин разговаривал с Николаем II, стоя к царю спиной. Это как было возможно – стоять спиной к Его Величеству?!

– Вы такой реалист по жизни, а как возник у вас сценарий о самом большом мистификаторе XX века Вольфе Мессинге?

– В детстве я был пару раз на его представлениях, запомнил слегка сторбенную фигуру кулдатого человека, и когда продюсер пред- тям я и в кино вернулся. Когда писал пьесы, несмотря на успех, все мне казалось каким-то ненатуральным. Просто я был отравлен ядом черно-белого кино навсегда. Это такая загадка. Черно-белое кино на много точнее передает атмосферу и даже цвет. Раскраски картин меня раздражают, это ужас какой-то. Но, по нашим временам, хозяин – барин: что хочу, то и ворочу.

Аргентины, который пригласил его на гастроли. С успехом гастролировал в Аргентине, Бразилии, Центральной Америке, познакомился с Ганди, был в Индии. И черт его дернул приехать в Европу в 38-м году, когда война уже была на носу. Встречался с такими же экстрасенсами, будучи польским евреем, познакомился с Гитлером. И когда уже произошло нападение на Польшу, у него была еще одна встреча с Гитлером. «Как вы видите мое будущее?» – спросил фюрер. «Вы собираетесь пойти на Восток, это грозит вам страшным крахом, Вы будете уничтожены». Гитлер с каменным лицом выслушал и только через час после этого отдал приказ «арестовать его немедленно». Обещал 250 тыс. марок – около 20 млн долларов, по-нынешнему, за его голову. И куда было смываться Мессингу? Он смылся в Советский Союз. Появился у нас в 39-м году – нищим, жил в двухкомнатной квартире, с женой, которая умерла от рака. Он предсказал год Победы – май 45-го: «Вьюжу наши войска в Берлине».

Но если вы меня спросите, понял ли я, в чем загадка этого человека, отвечу – нет. Правда, утешением мне послужило признание Натальи Бехтеревой: «Всю жизнь изучаю мозг и ничего в нем не понимаю». Мне непонятно, как человек может видеть будущее. Ему приносили письма фронтовиков, от которых долго не было вестей, и в одних случаях он мрачнел и говорил: «Его уже нет в живых», а в других – «Ждите его». Сейчас на этом деле живет много шарлатанов, но есть и настоящие экстрасенсы. Я знал одну женщину, она помогала онкологическим больным, после встреч с ней они оживали, чувствовали прилив энергии. Но однажды она призналась: «Все, больше не могу, я хуюдею». Она отдавала собственную энергию. Так что, увы, мы ничего не знаем об этих механизмах.

Впрочем, чем удивляться, мы ничего не знаем про океан, больше знаем о космосе, а там, на дне, ползают живые электростанции, освещают все вокруг себя. А чем объяснить то, что дельфины и акулы опускаются на глубину до 3 км, «шарятся» там до 10 минут, а потом стремительно поднимаются наверх, и у них нет никакой кессонной болезни. В то время, как у человека кровь закипает со 100 метров, и он погибает. А они – теплокровные животные и по всем физическим законам должны погибнуть, почему же они выдерживают такое давление? Даже батискафы на глубине 3 км слищиваются, а они выскакивают – живые и блестящие. А почему дельфины идут в атаку на акул, когда те нападают на людей?! Мы ничего не знаем об океане, хотя и занимаются его изучением в серьезном институте в Москве и Питере. А если учесть, что четыре пятых планеты покрыто океаном, и предположить, что и наше происхождение как-то связано с водой, все это очень актуально. И все эти всплески цунами – они показывают, насколько мы беззащитны. Вся прибрежная полоса материков, собственно, и заселена людьми, один удар мощного цунами – и половина Китая не будет. Вот о чем думаем сегодня, если говорить о загадках.

– Какие идеи Достоевского могут быть освоены нами сегодня? Обидела ли вас критика сериала «Достоевский»?

– Критиковали режиссера, а не меня, Хотиненко многого не снял, в частности сцены каторги. И у меня был другой финал. Остались за кадром и размышления писателя о православии. Разве можно было убирать фразу «Отнимите у русско-го человека православие!» – и он превратится в зверя?! Мы сейчас на этой грани и находимся. Конечно, мы хотели напомнить людям о главных идеях Достоевского – самодержавии, православии, народности. Достоевский говорил, что без сильного государства России не будет никогда, ее разорвут на части. Уже сейчас рвут, парень из Ставро-

поля рассказывал мне, какие там идут побоища с чеченцами за землю. Что делать, никто не понимает, милиция куплена, вот и вооружаются потихоньку, а русский человек, сами знаете, терпит-терпит, а потом как польхнет, мало никому не покажется. В Российской империи было 180 тыс. жандармов, а сейчас одного ОМОНа под миллион, а защитить людей некому. По-

нятия православия и народности протекают из первого. Считаю, эта триада Достоевского и должна быть русской идеей, поисками которой все занимаются. Переделать нас под Европу не удастся – менталитет другой.

Межнациональных конфликтов, как сейчас, у нас не было, мы вполне мирно уживались с татарами и представителями других национальностей. А то, что происходит сейчас в Крыму, особый разговор. Считаю, что это была месть за уничтоженное партизанское движение и склады с оружием. То же самое с Катинью. Это был чистый ответ за 1921 год, когда к полякам попали 118 тыс. пленных красноармейцев. Что с ними стало – 48 тыс. умерли от голода в лагерях, 18 тыс. были расстреляны, вернулось около 40 тыс. человек. А польских офицеров в Катини оказалось 27 тыс. И когда Сталина спросили, что с ними делать, он обратился к Буденному: «Ты помнишь Варшаву, наших пленных?» На что Буденный сказал: «Я бы порубал всех в окрошку!» «Ну, расстреляйте», – был ответ. Понимаю, возможно, чрезмерный «ответ», но это война. Такого мое мнение.

А про крымских татар мы толковали как-то с журналистом из Крыма: «Вот, сослал целый народ, такая жестокость». «Ты меряешь историю с начала войны», – сказал я ему, – а давай отмерим подальше и вспомним, что крымские татары, твои предки, два раза сжигали Москву. А сколько деревень сожгли, сколько стариков, женщин и детей регулярно уводили в рабство!» «Крым», – говорит, – русские захватили». Да, Екатерина рассуждала так: «Крым должен быть наш, иначе опять жди набегов». Неправедливо! А Москву жгли по справедливости!

Против нас воевала вся Европа, кроме Швеции, Швейцарии и Югославии. На территории Советского Союза в составе германских войск воевало более 30 тыс. голландцев. Румынами был оккупирован весь Крым, Одесса, Кишинев, Бессарабия. И финны воевали, и французские были батальоны, и три испанские дивизии. Почему-то среди австрияков членов нацистской партии было больше, чем немцев. Прав был Александр III – кроме армии и флота, у России никогда не было других союзников. А вся история России, особенно со времен Петра, была противостоянием с Англией, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Современным школьникам вообще в истории не разобаться. В 93-м году мне попалась в руки учебник «История СССР», изданный фондом Сороса тиражом 300 тыс. экземпляров, где на всю БОВ было отведено 20 страниц, а в начале главы было написано, что Вторую мировую войну «выиграли США и Великобритания», а Советский Союз «оказал посильную помощь».

– Вопрос о тайне творчества. Хотелось бы знать, каково ваше отношение к знаковым фигурам вашего поколения – к Андрею Тарковскому и Владимиру Высоцкому?

– К Тарковскому в разные времена я относился по-разному. Великий режиссер, человек гениального прозрения, но пока он был в Советском Союзе, на родине. Его картины, снятые за рубежом, считаю глубокой неудачей. Не очень понимаю, во-первых, про что мне в них толковать? Может, я глуп? Но, простите, я читал Достоевского и Толстого и вроде все понял. А здесь я должен все время подразумевать, что 7 пишется, а 27 в уме. А может, в уме-то ничего и нет?! Здесь Тарковский снимал великие картины: «Андрей Рублев» – гениально, бесподобно, и «Зеркало», и «Сталкер», а там он потерял почву. Не слушаю, когда говорят, что все это словесная Энергия, которая исходит от родной земли, посещала Андрея, а когда он уехал, все оборвалось. Многое, во всяком случае. Да еще жена расстроила его с друзьями. Как они дружили с Гошей Рербергом!.. И вот помню, когда Андрей сказал, что хочет переснимать «Сталкера», Гога, сидя за бутылкой, спрашивал меня: «Ты веришь, что я мог снять плохо?»! Одним словом, Лариса сыграла свою роль. Что это дало ей, трудно сказать.

А что касается Высоцкого, меня удивляло, что молодые ребята знают его, я думал, его творчество постепенно забудется, – нет, он живой, какая-то ниточка так и тянется. Я не представляю, кем бы он был, если бы жил. И Пушкина не могу представить стариком: 36 – и его убили. Может, божественная программа оказалась выполненной? Не могу представить старым и Лермонтова, по отзывам современников, он был

чудовище еще то. На одном из юбилеев Лермонтова, еще до революции, журналисты разыскали Мартынова, которому было под 80. И когда его спросили: «Вы не жалете, что убили гордость русской литературы?», он ответил, что нет. А дело в том, что Мартынова, классного стрелка, в первый раз, когда он вызвал Лермонтова, отговорили от дуэли. Второй раз поэт нарвался, когда в дворянском собрании, сидя наискосок от Мартынова, стал рассказывать о грязных подробностях якобы связи с его сестрой. Тот не выдержал: «Я тебя вызываю, стреляемся ночью, немедленно!»

Всех страшно интересовало, что же толкало Лермонтова к роковой развязке?! Его гений, желание смерти – иначе не скажешь. «Герой нашего времени» написан мальчиком 21 года, а там психология пожилого человека, много повидавшего на своем веку. Значит, что-то ломало его внутри, нормальная жизнь он жить не мог. Плюс ко всему у него как у человека маленького роста был комплекс Наполеона, неслучайно же он носил обувь с большими каблуками. Думаю, это тот самый случай, когда мы имеем дело с непознанными тайнами мозга. Когда читаете его «Завещание», так и видите этого офицера, которому он дает поручение сообщить родным о его гибели.

«Пускай она оплачет...! Ей ничего не значит!» – это же надо так написать!.. Гениальный стих по мотиву, по настрою.

– Как вы относитесь к суевериям вокруг Союза кинематографистов России?

– Крайне отрицательно относился к созданию «Киносоюза». Его создателями много говорилось о том, что их не устраивает Никита Михалков, но кроме как желанием поругить самим не могу объяснить появление этого объединения. А Союз кинематографистов тем временем живет, гильдии работают, в Гильдии сценаристов регулярно проводят конкурсы, устраивают 10-дневные семинары. Огромная заслуга Михалкова – создание Фонда «Урга» для помощи пенсионерам с уставшим капиталом в 10 млн долларов, пятую часть из которого он внес из личных средств. Фонд оплачивает дорогостоящие операции в отечественных и зарубежных клиниках, помогает лекарствами пожилым деятелям кино. За 2 года существования фонда сделано около полусотни сложных операций. Будут ли в «Киносоюзе» так заботиться о кинематографистах пенсионного возраста?

– Над чем работаете сейчас? Какая история лично вас особенно увлекла?

– Скоро увидите сериал про Чапаева. Забавно, но Василий Иванович, герой Гражданской войны, на самом деле был совсем не таким человеком, каким мы представляем его по образу, созданному гениальным артистом Бабочкиным. От Чапаева ушла жена, и он воспитывал двоих детей. Ему было 17 лет, когда начал работать плотником, он был верующим. У него было два брата: один ушел на фронт в Русско-японскую войну, и его расстреляли за то, что распространял большевистские листовки. Второй тоже пошел в революцию, был председателем ревкома города Балакова, откуда Чапаевы родом, его повесили казаки.

Никакой Анки-пулеметчицы не было, а была жена комиссара Фурманова, с которой у Чапаева начались шашни. Комиссар сразу написал донес в ЧК, и Чапаева хотели расстрелять за «партизанщину». Но Фурманов понял, что если он это сделает, его разорвут на куски – Чапаева очень любили. Хотя первая жена (когда Василий Иванович пришел с фронта на побывку, он, застав ее с телеграфистом, стрелял в него, а ее поволокли) в результате все равно убежала от Василия Ивановича, оставив двоих детей. А у Чапаева на фронте был друг, который умер у него на руках. И перед смертью сказал: «Василий, у меня семья, двое детей, пропадут, если не поможешь». И Чапаев половину жалованья отсылал вдове. Хотел забрать у нее детей – мол, друг велел, но она сказала: «Тогда и меня бери». И он забрал, такая вот судьба. Такая вот широкая русская натура.

– Можете рассказать, что вас весьма удивило в последнее время?

– На днях в «Дневнике Микеланджело» Кристофаниелли я прочитал фразу: «На днях Папа Римский пожаловал звание папского писаря Рафаэлю. А мог бы пожаловать мне, я все-таки сделал больше в искустве, чем этот процелыга из Урбино». 400 лет назад написано. Правду сказал один человек: «Все завистники умрут, а зависть останется». Похоже, это качество в веках не меняется.

Беседовала
Нина КАТАЕВА